

С.А Горбунова

ИДВ РАН

**Прогрессивные тенденции в среде мусульман –
жителей китайских городов
(первая половина XX в.)**

Исторически сложилось так, что мусульмане сосредоточены в Северо-Западном Китае, главным образом в Синьцзяне, и в то же время расселились по всей стране. Этим региональным фактором в первой половине XX в. предопределялось отличие в общественном положении последователей этой религии, населявших окраины страны и находившихся в отрыве от традиций китайской духовной и политической культуры, от тех, кто проживал во внутренних районах там, где доминировали ханьцы. Естественно, что именно мусульмане, обитавшие в китайской среде, находились под воздействием общественно-политических процессов, происходивших в республиканский период. «На китайский язык, – как отмечает О.И. Завьялова, – разные по своему происхождению группы мусульман перешли лишь к концу эпохи Мин (1368–1644). Тем не менее, этнонимы хуэй, хуэйцзу были официально соотнесены исключительно с теми „окитаивавшимися“ мусульманами и их потомками от смешанных браков, которые употребляют китайский язык в качестве родного, только после образования КНР» [1, с. 153, 154]. В первой половине XX в. не просматривалось столь чёткой дифференциации – название хуэй могло употребляться применительно ко всем последователям ислама, иными словами, нередко они ассоциировалось с мусульманами в целом. Однако власти Китайской Республики в своей религиозной политике проводили подобный водораздел. В данной публикации речь в большей степени пойдёт именно об этой исповедовавшей ислам этнической группе, а не о жителях северо-запада. Ведь хуэй осознавали себя полноправными гражданами и, в отличие от мусульман Синьцзяна, точно

© Горбунова С.А., 2014

так же воспринимались государством. Однако от ханьцев, совместно с которыми они проживали в городах, хотя их разговорным языком и являлся китайский, они отличались образом жизни, основанном на соблюдении целого ряда религиозных обетов ислама. Ахунами, так обычно хуэй называли возглавлявших мечети имамов, в религиозной практике и обучении использовался *цзинтан юй* – специфический язык, сочетавший китайскую, арабскую и персидскую лексику на базе китайской грамматики.

При широком расселении хуэй по всему Китаю характерной чертой была невысокая концентрация в местах проживания. Их компактные общины существовали почти в каждой провинции, больше всего – в Нинся, Цинхэе, Ганьсу, Шаньси, Юньнани, Хэбэе, Хэнани, Шаньдуне, Внутренней Монголии. Мусульманские кварталы сложились в крупных портовых городах Востока и Юга Китая: в Шанхае, Гуанчжоу. Образовывались мусульманские общины, как правило, вокруг сооружённых ими мечетей. Большая община ремесленников из числа хуэй испокон веков существовала в Нанкине вокруг построенной ещё в древности мечети Цзин Цзюэ на улице Сань Шаньцзе. Этот город в дальнейшем превратился в один из центров традиционного обучения в мечетях [3, с. 33, 34]. В китайских городах мечеть со священнослужителем – имамом или ахуном во главе являлась тем центром, где мусульмане могли собираться вместе для ведения как религиозной, так и общественной деятельности. Мечети и в XX в. продолжали играть важную роль в укреплении и распространении веры, в религиозных службах и обучении мусульман, являясь в то же время центрами образования и воспитания. Там не только молились, но и собирались для решения общественных дел и внутренних проблем общины, а верующие могли найти помощь в решении своих насущных проблем. На облике большинства мечетей внутреннего Китая отразились особенности китайской традиционной архитектуры. Ярким примером этого является существующая по сей день мечеть Либайсы в мусульманском квартале на улице Ньюцзе в Пекине.

Ещё до Синьхайской революции в мусульманской среде наметилась тенденция борьбы с безграмотностью, что привело к созданию начальных школ нового типа. Например, в 1906 г. в провинции Цзянсу была основана школа «Му юань», а в 1908 г. Ван Куанем 王寬 школа «Се цзинь» при упоминавшейся выше мечети на улице Ньюцзе в Пекине [3, с. 117]. В республиканский период продолжилось создание школ при мечетях, которые в отличие от традиционных, узкопрофильных, путём поиска новой социальной ориентации расширяли свои учебные программы за счёт светских дисциплин. Впоследствии

в среде последователей ислама постепенно сформировалось понимание важности внедрения средних учебных заведений нового типа. В нанкинское десятилетие появилась целая сеть таких учебных заведений. Одной из первых (в 1925 г.) начала действовать средняя педагогическая школа «Чэн да» в Цзинани, которая переехала в 1929 в Пекин. Ей принадлежала важная роль в образовательном процессе вплоть до 1949 г. В её сокращённом названии от *чэн дэ да цай* («формирование нравственности, достижение знаний»), заключалась вся суть происходившего в те годы процесса [3, с. 117–119]. По инициативе Ма Фусяна 马福祥 и его единомышленников в Пекине было создано среднее учебное заведение для мусульман [2, с. 324]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. открылись средняя школа «Мин дэ» в пров. Юньнань (1930), средняя школа мусульманского возрождения «Му син» в Ханчжоу, исламская школа в Шанхае, исламская школа «Ваньсянь» в Сычуани, школа «Юнь тин» в пров. Нинся. В 1930 г. было создано среднее училище «Мин дэ» в Куньмине. Учитывая бесправное положение мусульманских женщин, важно, что в этот период стало уделяться внимание женскому образованию: в 1935 г. в Пекине появилась женская средняя школа полумесяца [3, с. 117, 118].

Целью деятельности учебных заведений нового типа стало воспитание квалифицированных учителей, которые бы владели не только знаниями по исламу (исламские тексты на арабском языке, Коран и Хадиф, исламская философия, этика закон и история), но и по китайской культуре. Таким образом, основной курс ислама дополнялся изучением китайского языка, китайской истории и географии, естественных наук, педагогики, психологии. Выпускникам этих учебных заведений предстояло просвещать единоверцев, развивать исламскую культуру и повышать квалификацию педагогов, имамов и лидеров мусульманских организаций. В 1932 г. после окончания «Чэн да», её выпускники были направлены в Египет для последующего обучения, став первыми зарубежными стажёрами китайского ислама [3, с. 118, 119].

В самом начале XX в. наметилась ещё одна прогрессивная тенденция – создание исламских обществ, инициаторами, учреждения которых стали интеллектуалы в религиозной сфере, получившие образование в школах нового типа. Основной лозунг деятельности этих обществ – «спасение страны, спасение нации, спасение ислама», а главная функция – укрепление единства и связей между хуэй, развитие ислама. Первая подобная организация – *Чжунго хуэйцзяо цзюй цзинь хуэй* («Китайская хуэйская ассоциация содействия прогрессу»), была основана Ван Куанем, Хоу Дэшанем 侯德山 и другими. Она

просуществовала с 1912 по 1949 гг. Главным в её деятельности, которая активизировалась в гоминьдановский период, стало объединение мусульман, их просвещение, развитие ислама как вероучения, укрепление поддержки государства, мира и согласия между мусульманами и ханьцами, повышение уровня благосостояния мусульман. К 1936 г. во многих провинциях и городах было основано более 200 отделений этой ассоциации [3, с. 121]. Таким образом, она превратилось в самое известное негосударственное культурное объединение хуэй того времени с разветвлённой сетью. Его членами в основном были представители хуэй (чиновники, предприниматели, имамы). Благодаря их инициативе и благотворительной деятельности было открыто немало мусульманских начальных и средних школ и предприятий для обеспечения занятости и в целом улучшения жизни хуэй [4, с. 125]. В различных городах Китая получили распространение и другие организации хуэй: Исламская ассоциация в Нанкине, Тяньцзиньская исламская ассоциация и другие [3, с. 122, 123].

По инициативе представительницы хуэй Хэ Вэньюй 和文玉 и других была создана Шанхайская ассоциация мусульманских женщин. Важную роль в этом сыграл журнал «Мусульманские женщины» [5, с. 514]. Появлялись мусульманские благотворительные организации для пожилых людей, например, Гуандунское исламское общество [3, с. 124].

Среди религиозных групп и организаций большим влиянием пользовался Китайский исламский совет предпринимателей, целью которого было развивать братство мусульман в Китае и за рубежом, повышать благосостояние хуэй, объединять мусульман Китая и оказывать помощь государству [3, с. 123].

Создание и активизация научных исламских обществ и организаций, главным образом молодёжных – другое заметное явление времени. С 1925 по 1942 г. г. в Шанхае действовало учреждённое под руководством Ха Дэчэна, Ма Ганхоу 马刚侯 и Ша Шаньюя 沙善余 Китайское исламское научное общество. Основными целями его деятельности стали распространение учения ислама, развитие образования среди мусульман, обеспечение дружественных связей между мусульманами различных стран, расширение обмена по линии исламской культуры, реализация общественных программ помощи единоверцам. В его структуру входили редакционный комитет и комитет по переводу канонических книг [5, с. 506–508]. Китайское исламское молодёжное общество было основано в Шанхае в 1929 г. также при непосредственном участии Ха Дэчэна. Оно насчитывало свыше 100 молодых мусульман, получивших среднее или высшее образование.

Они выступали с инициативой приобщения мусульманской молодёжи к науке [5, с. 511]. Подобные общества были созданы в Гуанчжоу, Тайюане и Шэньяне. Деятельность Исламского общества поощрения обучения (в дальнейшем был переименован в Совет по поощрению образования) провинции Ганьсу, Китайского общества поощрения хуэй в Нанкине, Исламского совета помощи образованию в Чандэ (Хунань) была направлена на реформирование обучения в мечетях путём преподавания не только арабского, но и китайского языка [3, с. 123]. Они стимулировали процесс учреждения начальных школ при мечетях, средних школ, публикации различных исламских рукописей, распространения материалов по исламским знаниям среди тех мусульман, которые не знали арабского языка.

Именно в гоминьдановский период активизировалась сложная и кропотливая работа по изданию полной версии Корана, в результате чего удалось достигнуть осязаемого прогресса в деле его перевода на китайский язык. В 1927 г. в Шанхае была перепечатана часть сохранившегося доступного перевода Корана, осуществлённого в конце династии Цин Ма Фучу 馬馥初, известным учёным-хуэй. В том же году вышел полный перевод Корана на китайский язык, выполненный Ли Течжэном 李铁铮 на основе подстрочника на английском языке. В 1931 г. в Шанхае был издан перевод Корана в восьми томах, выполненный путём сверки с японскими и английскими переводами под руководством Цзи Цзюэми 姬觉弥 при участии известных ахунов Ли Юйчэня 李虞宸, Сюэ Цзымина 薛子明 и Фань Канфу 樊抗甫. Этот перевод представлял несомненную научную ценность [4, с. 214; 5, с. 509, 516, 518, 549]. Перевод Корана с комментариями с арабского языка на китайский был осуществлён по инициативе Китайской хуэйской ассоциации содействия прогрессу известным имамом Ван Цзинчжаем 王静齋 и опубликован в 1932 г. [3, с. 122]. Дополнительное толкование к китайскому переводу Корана и ранее не переведённые суры вышли в Пекине в 1932 г., а затем в 1941 и в 1946 гг. [4, с. 215; 5, с. 550]. В 1930-е годы удалось сделать также фотокопии множества оригинальных арабских рукописей, в том числе Корана. Переводы Корана и толкований к нему с использованием общеупотребительной лексики на китайском языке с параллельной иероглификой, её транскрипцией и арабскими текстами отвечали практическим потребностям распространения знаний в среде хуэй. В результате появились подготовленные Бюро исламских писаний такие издания как 12-томный «Китайский читатель» (элементарный уровень) и 1-томный «Арабский читатель» (продвинутый уровень), оба с параллельными текстами на китайском и арабском языках [3, с. 127].

По мере развития мусульманского образования, распространения мусульманских организаций началась новая эра в издании мусульманских книг и газет. Средняя педагогическая школа «Чэн да» основала издательство, которое наладило выпуск новых книг таких как «Ислам», «Изучение китайской исламской истории», «Ислам и жизнь». Издательская деятельность получила развитие и в других местах, например в Шанхае в 1937–1940 гг. вышла «История ислама» [3, с. 125; 5, с. 558, 559].

Пекинский исламский издательский дом в основном занимался публикацией рукописей и книг переведённых или написанных известными авторами династий Мин и Цин. Китайское исламское бюро рукописей публиковало Коран и другие священные тексты на базе издательства в Египте. Это, как правило, книги с двуязычными параллельными текстами на арабском и китайском языках, например «Китайско-арабское двуязычное чтение фонетики», «Китайская версия извлечений из Корана». Специально для издания рукописей Корана и Хадиса (предание о поступках и изречениях Мухаммеда) и различных текстов и книг по мусульманской доктрине, закону, этике, арабской грамматике, риторике, привезённых китайскими паломниками из Мекки, было создано бюро при Шанхайском обществе поддержки исламской культуры [3, с. 126, 128].

После революции 1911 г. было положено начало мусульманской периодической печати. С 1929 по 1949 гг. выпускалось около сотни периодических изданий на китайском языке. Приблизительно треть из них выходила в Пекине, остальные в Шанхае, Нанкине и других городах. В Шанхае выходили такие журналы как «Исламские студенты» (*Исылань сюэшиэн*), «Ежемесячник китайского хуэйского научного общества» (*Чжунго хуэйцзяо сюэхуэй юэкань*), «Исламский журнал для женщин» (*Исылань фунюй цзачжи*) [2, с. 325; 5, с. 554–556].

Поиск самоидентификации хуэй и вместе с тем мира и согласия с китайской средой не обходился без скрытой напряжённости, противоречий на религиозной и национальной почве. В качестве примера можно привести конфликт между хань и хуэй, который перерос в заметное в обществе движение против дискриминации мусульман в печати и театральных постановках и высмеивания их обычаев, которое, однако, не вышло за рамки цивилизованных методов. Бурю протестов по всему Китаю вызвала заметка, опубликованная в июле 1931 г., в которой высмеивался один из запретов ислама на употребление свинины «История, почему мусульмане Северо-Восточной Азии не едят свинину» в журнале «Новая Азия». Подобным образом выразилось столкновение двух национальных традиций. (Ведь, как

известно, китайцы не только употребляют свинину, но «свинья» – символ определённого года в шестидесятилетнем цикле, а у мусульман это нечистое животное.) Немногим более года спустя в сентябре 1932 г. эта же тема муссировалась в другой заметке «Почему мусульмане не едят свинину?» в журнале «Южная литература», которая вызвала протесты шанхайских мусульман. Когда известие об этом достигло Пекина, хуэй всего Китая решили объединиться с тем, чтобы составить представление гоминьдановскому правительству. Вскоре сформировалась группа хуэй Северного Китая, которая направила своих представителей в Нанкин, вручивших правительству составленную ранее петицию с требованием наказания автора заметки, приостановки издания журнала «Южная литература». Однако когда этот инцидент всё ещё не был улажен, в Шанхае появилась ещё одна оскорбительная для мусульман заметка под названием «Маленькая свинья» в издательском доме Бэйсинь, которая содержала насмешки над мусульманами. Разгневанные этим хуэй Шанхая также направились в Нанкин, где присоединились к группе всё ещё находившейся там делегации с Севера. В ответ на их совместное требование Нанкинское правительство, подтвердив провозглашённые во Временной конституции периода политической опеки (1931 г.) этническое равенство и свободу вероисповедания, прекратило деятельность нарушивших эти принципы изданий и наказало всех виновных, чем был положен конец случившемуся. Однако подобные выпады против мусульман в китайских периодических изданиях имели место в 1930–40-е гг. [5, с. 584–586].

Наметившиеся после Синьхайской революции в условиях новой формы государственного правления – республики среди мусульман, проживавших в районах преобладания хань, тенденции к национальной самоидентификации, социализации и реформированию ислама реализовывались уже в гоминьдановский период. Новое исламское культурное движение инициировалось учёными хуэй, которые вели поиск оптимальных вариантов сочетания религиозных устоев с новыми идеологией и мировоззрением. Особую активность в этом процессе проявили китаеязычные мусульмане-горожане. Они быстрее приспосабливались к политическим и социально-экономическим изменениям, к провозглашённой во Временной конституции свободе вероисповедания, к развитию новых форм и методов образования и в целом, были более толерантными, в сравнении с синьцзянцами, к китайским властям, в основном занимали патриотическую позицию во время антияпонской войны.

Литература

1. *Завьялова О.И.* Китайские мусульмане хуэйцзу: язык и письменные традиции // ПДВ. 2007. № 3. С. 153–160.
2. *Кузнецов В.С.* Ислам // Духовная культура Китая. Мифология и религия. [Т. 2.] М., 2007. С. 318–325.
3. *Mi Shoujiang, You Jia.* Islam in China. Beijing, 2004.
4. Чжунго у да цзунцзяо 中国五大宗教 (Пять великих религий Китая). Пекин, 2007.
5. Шанхай цзунцзяо ши 上海宗教史 (История религий Шанхая). Шанхай, 1992.